

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

ОТАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2010

СБОРНИК СТАТЕЙ

Вып. 3

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

ОТАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2010

Сборник статей

ВЫП. 3

Москва

2012

ББК 79.0:85

О 80

Редакторы-составители: Е. Андреева, Н. Габриэлян

О 80 **Отаровские чтения. 2010.** Сборник статей. Выпуск 3. – М.:
Институт Наследия, 2012. – 216 с.; ил.

Предлагаемый сборник (вып. 3) составлен из статей участников пятых «Отаровских чтений» (2010 г.) и разделен на три части. В первую вошли статьи о творчестве Б.С. Отарова и его учеников. Во второй части представлены статьи искусствоведов, художников, филологов, культурологов, посвященные различным аспектам отражения стихии в разных видах творчества.

Третий раздел сборника посвящен памяти ученика Б.С. Отарова — замечательному художнику, постоянному участнику наших чтений, Юрию Александровичу Александрову, скоропостижно ушедшему из жизни.

ISBN 978-5-86443-177-1 © Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
им. Д.С. Лихачёва, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 4

I

Отарова Л.А. Из эпистолярного наследия Бориса Отарова.	
Письма художницы Варвары Бубновой	7
Габриэлян Н.М. Стихия и знаки в живописи Бориса Отарова	17
Петухова В.В. Преподавательская деятельность Б.С. Отарова	35
Головина В.П. Стихия живописности в творческом методе художницы Нины Габриэлян	47
Веселова С.С. «Стихия свободная» и «стихия покорённая» в живописи и графике	54

II

Александров Ю.А. О стихиях в искусстве	71
Ведерникова Н.М. Вода, огонь, ветер в народных сказках	79
Белощеева А.А. Стихии в Шестодневе	88
Фаустова Э.Н. Полисемантизм стихии ветра в русской поэзии	112
Рябов С.А. Образы стихий на старинных картах мира	127

III

Александров Ю.А. Издалека	149
Александрова Е.А. О Загорянской даче и не только.	163
Габриэлян Н.М. Памяти товарища	177
Эпштейн М.А. Тот памятный день	182
Иванов О.О. Портрет в творчестве Юрия Александрова	187
Петухова В.В. В память о друге	191
Паршина Т.Г. Памяти Юрия Александрова.	194
Чураков А.В. Юрий Александров. По страницам встреч с художником	197

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Отаровские чтения посвящены памяти выдающегося российского художника Бориса Сергеевича Отарова (1916–1991).

Уже первые чтения («К 90-летию Бориса Отарова», 2006 г.), посвящённые живописному и педагогическому наследию художника, привлекли к себе внимание специалистов-гуманитариев. Вопросы, которые осмыслял в своем творчестве Отаров, оказались близкими и содержательно важными не только для искусствоведов. Проблемы, волновавшие художника, лежат на стыке разных ветвей знания. Это антропология и философия, культурология и семиотика, педагогика и литературоведение...

После третьих чтений («Художник и его наследие. Проблемы частных коллекций», 2008 г.) стало очевидно, что благодаря заинтересованности специалистов, сложились предпосылки для проведения междисциплинарных встреч более широкого формата. Было решено, что каждые последующие чтения будут иметь свою тему из числа тех, которые прослеживаются в творчестве Отарова. Темой четвертых чтений стали «Странствия и путешествия: жизнь, литература, искусство». Пятые чтения были посвящены образу стихии в литературе и искусстве.

Предлагаемый сборник (вып. 3) составлен из статей участников пятых «Отаровских чтений» (2010 г.) и разделен на три части. В первую вошли статьи о творчестве Отарова и его учеников. Во второй части представлены статьи искусствоведов, художников, филологов, культурологов, посвящённые различным аспектам отражения стихии в разных видах творчества.

В процессе работы над сборником нас постигло большое горе. Скоропостижно скончался один из ближайший учеников Отарова, постоянный участник наших чтений Юрий Александрович Александров. И потому третий раздел сборника мы посвящаем памяти этого замечательного художника. Сюда вошли статьи, эссе и воспоминания друзей и коллег Ю. Александрова, а также отрывки из неопубликованной рукописи его воспоминаний.

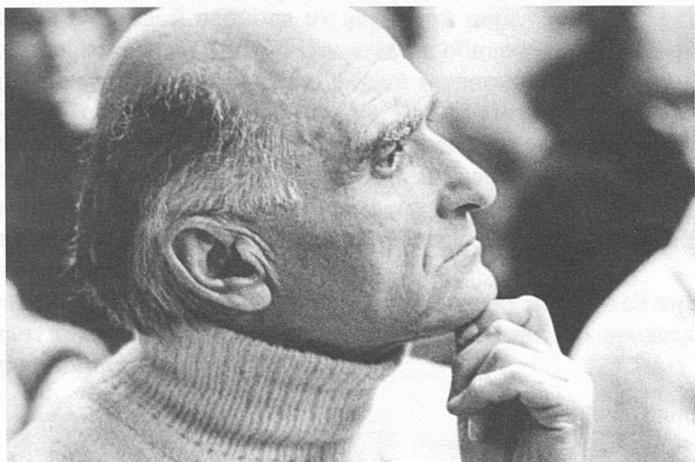
Мы надеемся, что наш сборник внесёт свою лепту в дальнейшие исследования творчества Бориса Отарова и художников его круга, а также в осмысление тем, которые питали живопись этого выдающегося мастера.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ
БОРИСА СТАРОВА
ПИСЬМА ХУДОЖНИЦЕ БАРБАРЕ БУВНОВОЙ

ЧАСТЬ I

При изучении эпистолярного наследия Бориса Старова обнаружилось, что в своем архиве он хранил лишь самые дорогие и значимые для него письма и открытки. Среди них — последние его письма к художнице Барбаре Бувновой.

Дмитрий
К соннам
и в сонна
иет о в
В этой с
таком об
Таки
Барбара
стим от
Что в
нал в сон
нами об

В. Бувнова и Б. Старов

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ БОРИСА ОТАРОВА. ПИСЬМА ХУДОЖНИЦЫ ВАРВАРЫ БУБНОВОЙ

При изучении эпистолярного наследия Бориса Сергеевича Отарова выяснилось, что в своём архиве он хранил лишь самые ценные и значимые для него письма и открытки. Среди них – послания художницы Варвары Дмитриевны Бубновой периода их активной переписки (1964–1969 гг.). К сожалению, ответные письма Отарова не обнаружены. Не попали они и к специалисту по исследованию жизни и творчества Бубновой, автору книг о ней – специалисту по Японии Ирине Петровне Кожевниковой. В этой статье мы пользовались информацией, изложенной в её книге¹, а также её устными воспоминаниями во время наших бесед.

Таким образом, мы имеем письма и открытки лишь одной стороны – Варвары Бубновой, они и являются предметом рассмотрения. Нам предстоит ответить на вопросы:

Что за личность была Варвара Бубнова? Почему именно её письма хранил в своем архиве Борис Сергеевич? Каким в её письмах предстает перед нами образ Бориса Отарова?

В. Бубнова и Б. Отаров

¹ Кожевникова И.П. Варвара Бубнова. Русский художник в Японии и Абхазии. — М.: Три квадрата, 2009. 184 с.

Точное **время знакомства** Отарова и Бубновой установить не удалось, однако в обнаруженной самой ранней открытке Бубновой, датированной 1964 годом, мы читаем: «Ваши тёплые слова о моих работах **всегда** (выделено мною. — Л.О.) крепкая поддержка». На основании этих строк можно предположить, что время их знакомства — не позднее 1964 года. Но и не ранее начала 60-х, поскольку Варвара Бубнова вернулась из Японии только в 1958 году после 36 лет эмиграции.

Что касается **места знакомства**, вероятнее всего, это — город Сухуми, куда после Японии Варвара Бубнова вернулась вместе с сестрой Анной, у которой к тому времени в Японии умерли сын и муж. Сёстры поселились в доме своей старшей сестры Марии, переехавшей в 30-х годах из Ленинграда в Сухуми. Здесь Мария Дмитриевна была ведущим преподавателем в музыкальном училище. Она — пианистка, заслуженный педагог Абхазской ССР — воспитала десятки исполнителей, дирижеров и композиторов.

Почему именно Сухуми выбрали сёстры? Особого выбора у них не было. В те времена репатриантов в Москве и Ленинграде не прописывали. А в Сухуми жила их родная сестра, да и город всего на 7 градусов севернее Токио: и климат, и природа напоминали Японию.

Бубнова писала о Сухуми: «Это очень красивый и чистый город. Люди, которых я узнала, — мне нравятся. Из окна красивый вид на зелёную гору с виллами. Не слишком жарко, много мух. Наш дом очень романтичен: такие дворики, крылечки, верандочки видишь в кинокартинах, изображающих восток и юг».

Борису Сергеевичу тоже нравился живописный Сухуми. Сюда он приезжал работать и отдыхать. Город небольшой и уютный. Все, что он любил — море и горы, — всё рядом. И к тому же атмосфера города располагала к творчеству.

Поэтому наиболее вероятно, что Отаров и Бубнова познакомились именно в Сухуми. А может быть, Борису Сергеевичу местные знакомые рассказали о появившейся в городе интересной художнице, возвратившейся из Японии. Действительно, в небольшом Сухуми дом сестер Бубновых постепенно стал неким центром культуры, куда стремилась местная интеллигенция. Приходили художники, показывали свои работы, приходили физики из местного Сухумского технического института, из Японии приезжали ученики, друзья и знакомые. В гостеприимном доме всегда были интересные люди, особенно много молодёжи.

Фазиль Искандер, знакомый Бубновых, часто посещавший их дом, писал: «Варвара Дмитриевна Бубнова притягивала местную интеллигенцию. Широта умственных интересов, простота — свойство людей, духовно развитых — вот что привлекало в ней. Тихий голос, лёгкие движения и твёрдый взгляд. Облик её лучился доброжелательностью и тактом».

Несомненно, Варвара Дмитриевна Бубнова унаследовала и вобрала в себя лучшие черты дворянского рода, из которого она происходила; отсюда она черпала силу духа, отсюда происходила доброжелательность и деликатность. Бубнова была настоящим представителем культуры ушедшего XIX века.

Каково же **происхождение** Бубновой? Варвара Дмитриевна Бубнова — урожденная Вульф. Её далекий предок по материнской линии Гарольд Вульф, наречённый Гаврилой, был шведом на русской службе, в Россию приехал ещё в XVII в. Вульфы служили России верой и правдой и достигли высоких чинов, их род был внесён в родословную Тверской губернии. Родовое гнездо Вульфов — село Берново.

Это были те самые Вульфы, у которых часто гостил А.С. Пушкин. С детства впечатлительная Варвара слышала рассказы своего деда, который, будучи 14-летним мальчиком, видел поэта. Варвара Бубнова провела детство и юность в том самом доме, где обычно гостил поэт.

Поэтому, когда в 1971 г. в Берново восстанавливали Музей Пушкина, Бубнова стала не только первым консультантом по воссозданию музея, но и дарителем фамильных реликвий.

Отец художницы, Дмитрий Капитонович Бубнов, происходил из семьи потомственных военных моряков. И при этом — идеалистом, фантазёром и путешественником.

Воспитанием Варвары Бубновой и её двух сестер — старшей Марии (род. в 1884 г.) и младшей Анны (род. в 1890 г.) занималась мать, обладавшая необычайной красотой голосом, но пожертвовавшая карьерой оперной певицы ради детей. Она учила их музыке, французскому и немецкому языкам, рисованию. Эти знания и умения, полученные в детстве, в жизни сестёр сыграли немаловажную роль.

Сёстры Бубновы были очень музыкальны: Мария стала пианисткой, а Анна — скрипачкой. Варвара же была как будто из другой породы. Как считает И.П. Кожевникова, «...наверное, она пошла в мореходцев Бубновых <...> была более замкнутой, трезвой и решительной. Застенчивость сочеталась с независимостью, а склонность к фантазии — с работоспособностью. Так Варе суждено было стать художником. С юности она ненавидела рисовать гипсовые носы, уши и рты, ненавидела копировать картины»².

После окончания с отличием Петербургской гимназии в 1903 г., в 17 лет Варвара стала заниматься в школе рисования, с 1907 г. училась в Петербургской Академии художеств, закончив её в 1914 г. Вместе с ней учились Павел Филонов и Вольдемар Матвей (Владимир Марков), ставший

² Кожевникова И.П. Варвара Бубнова. Русский художник в Японии и Абхазии. — М.: Три квадрата, 2009. С. 20.

это осознаёт, и появление рядом Мастера всегда, пусть порой и неосознанно, тревожит эту, «спящую» до поры до времени, частичку души — ведь не случайно на Востоке издавна существует поверье: «Мастер приходит тогда, когда готов Ученик». Многие из нас черпали силы, понимание, идеи в поле действия Александровского магнетизма, которым было пронизано всё, что его окружало, начиная от самого процесса общения с Юрой и заканчивая домом, где он жил и работал, его мастерской, находившимися там предметами...

Бывая у Александровых, я не раз обращал внимание на некую подспудную «самодостаточность» самых, казалось бы, незатейливых элементов обстановки и их неожиданных сочетаний в мастерской Юры: мольберт, кисти, банки и тюбики с красками, ванночки из-под них, выдавший виды рубанок, висевшие на стене ножовки, ветошь со следами красок от кистей, увядшие сухие стебли тюльпанов с потемневшими и частично опавшими лепестками — остатки натюрморта, поставленного для кого-то из учеников. Именно благодаря этим незатейливым элементам обстановки Александровской мастерской появились, например, мои, по сути «репортажные», снимки «Тюльпаны»⁵ и «Мастер отдыхает»⁶.

Конечно же, центром Дома Художника была мастерская.

На «девять дней» мы, с кем он общался при жизни, сидели в его мастерской, где был накрыт стол, и кто-то из присутствовавших озвучил общую мысль о царящей в этом помещении особой атмосфере — атмосфере творческой сосредоточенности, спокойной, внимательной задумчивости... Это было странное ощущение: Юры нет, а вещи, обстановка продолжают хранить тепло его присутствия. В его уход не верилось; казалось, он просто запаздывает к собравшимся гостям, но с минуты на минуту войдёт и удивится: «О, как вас много! Ну, сейчас чай будем пить!». Модное в последние годы слово «аура» применительно к этому месту приобретало совершенно конкретное, физическое звучание...

Одна из причин, объясняющих, на мой взгляд, силу Александровского притяжения, — его умение понять собеседника, моментально уловить и поддержать общую тональность общения, оставаясь при этом собой: согласиться с тем, с чем был искренне согласен, во что верил, но горячо отстаивать свои взгляды и убеждения, если они расходились с мнением оппонента. Способность вместе искать и находить те «реперные точки», которые помогут собеседнику удержаться «на плаву», не потерять веру в себя, не бросить из-за «чёрной полосы» любимое дело.

Юра был очень цельным человеком, настроенным на созидание, убеждённым в собственном предназначении, в правильности избранного пути.

⁵ <http://finder1.gallery.ru/watch?ph=nLa-Daj>

⁶ <http://finder1.gallery.ru/watch?ph=nLa-zNwf>

Думается, благодаря этому он не только держался сам, но и поддерживал тех, кто его окружал.

Последнее вовсе не означает, что он «имел ответы на все вопросы». Пожалуй, «вопросов»-то у него как раз было больше, чем «ответов».

Крепость «внутреннего стержня», важного для любого человека, а для художника (в широком понимании этого слова) — особенно, определяется, на мой взгляд, не его пресловутой «несгибаемостью», что больше свойственно фанатизму и его результату — разрушению, а способностью к возможно скорейшему «восстановлению» после встречи с разного рода препятствиями, противодействием, что как раз и отражает суть творчества. Поэтому значение для творческого человека внутреннего настроя «на преодоление» едва ли возможно переоценить...

Случались у Юры и сложные периоды душевного раздрая, разъедающих душу сомнений, когда он не мог работать. Иногда эта внутренняя «неустроенность» принимала затяжной характер, по поводу чего он очень переживал: «Уходит время!» — это его особенно угнетало. Однако умение принимать жизнь такой, как она есть, как условие, которое, хоть и присутствует в виде разного рода «преград на пути», но не может мешать главной задаче — творчеству, и основанный на этом общий созидательный настрой всё же брали верх, и тогда он с нескрываемой радостью сообщал: «О, Саш, привет! Спешу тебя обрадовать: я снова начал писать! Да, ты знаешь, вот...». В такие минуты он ассоциировался у меня с таким маленьким упрямым «ледоколом», который, кряхтя и отфыркиваясь, всё же взобрался на очередную льдину и, ценой невероятных усилий проломив её, вырвался из ледяного плена душевных неурядиц на неоглядные просторы творческой свободы — снова «занялся делом»: пишет новую картину, обрабатывает дневники, которые вёл много лет, иногда читает свои новые стихи.

Не знаю, осознавал ли он, что этой своей внутренней борьбой и победами над собой он делал сильнее и тех, кто был рядом. Эта чёткая его ориентация, как на маяк, на конечный позитив, на достижение, на преодоление, на победу творчества над унынием и «болотом», воспринималась в повседневном общении скорее интуитивно, и в конечном итоге тоже была тем, что влекло к нему.

Просто «вдруг» (!) от встречи с ним поднималось настроение, укреплялась уверенность, хотелось двигаться вперёд, совершенствовать своё умение, искать... Предательские мысли о «бренности» и никчёмности усилий, «неоценённости» результатов куда-то исчезали, растворялись, сменяясь приливом энергии. Юра в этом смысле работал как «генератор», подпитывая всех, кто в этом нуждался...

* * *

...Он хорошо понимал и нежно любил природу — во всех её проявлениях и состояниях, был внимателен к их переменам, отлично ориентировался в местной флоре и фауне, знал многие растения и их свойства, различал по голосам птиц и знал их повадки, прекрасно ориентировался на местности.

И сумрак вечернего города с неясными тенями, и призрачное ненастье, и хрустальное застывшее предзимье, когда морозное ожидание первого снега замирает в чёрном кружеве обезлиствевших ветвей, и жаркое растопленное, стрекочущее и поющее на все голоса лето. Всё это было неотъемлемой частью его самого... Впрочем, его картины, стихи говорят о его отношении к природе гораздо более зримо и осязаемо.

Мог «запросто» подойти и обнять любимое дерево — у Юры были любимые деревья (не какой-то их вид, а именно конкретные представители растительного царства); мог так, обняв ствол, стоять, ничего не говоря, а потом на мой, вероятно, несколько недоумённый взгляд, оторвавшись от огромной сосны и как бы знакомя нас, пояснить: «Не обращай внимания... Мы давно с ней дружим...». Такое доверие дорогого стоило.

Мог остановиться где-нибудь на пригорке над Клязьмой и начать негромко декламировать стихи. Так я впервые услышал его «Дорогу»...

Как-то мы шли вдоль реки и Юра неожиданно (когда ни погода, ни мои намерения этому совершенно не способствовали) спросил: «Не желаешь искупнуться?», а потом, скинув одежду, просто вошёл в Клязьму в сопровождении верной Леськи, — молодой суки бриара, приобретённой Леной по случаю, и искренне посетовал оттуда: «Саш, напрасно! Вода тёплая!». Я слабо представлял себе «теплоту» воды, когда и стоять-то на одном месте было зябко, и даже наблюдать за барахтавшимися в воде Юрой и Леськой — не слишком уютно. Искупавшись, они вышли, и мне оставалось лишь успеть отскочить в сторону, когда Леська, встряхнувшись и от души помотав мохнатой мордой, обдала всё в радиусе нескольких метров густым снопом брызг.

В другой раз мы собрались у Александровых. Небо долго хмурилось, а расставаться, как всегда, было трудно, уходить не хотелось, но и не уходить тоже было нельзя. Наконец, когда все уже начали прощаться, хлынул дождь. Не просто «дождь», а ливень, косой, холодный и отчаянный. Всеобщему огорчению гостей, которых ожидал путь по размытой грунтовке до железнодорожной станции, не было предела. При всех «надо» и «пора» на первое место явно проступало: «не сейчас!». Столпившись на крыльце, мы смотрели, как буквально на глазах наполнялась стоявшая возле дома бочка, как тугие струи нещадно месили на дворе песок, при-

бывали к земле траву. И только Юра был в совершеннейшем восторге от этой картины. Постояв какое-то время с нами, он быстро скинул с себя верхнюю одежду и вышел под ливень — счастливый, улыбающийся, нещадно поливаемый дождём, он, размахивая руками, приглашал нас последовать его примеру.

Подобное поведение могло показаться кому-нибудь несколько эксцентричным, но для его неукротимой натуры это было естественным — в этом был Юра: его восприятие жизни, его проявление в ней себя. Именно поэтому, говоря о нём, так сложно найти какую-то одну «общую ноту»... Он был очень разно- и многопланов, находя собственные созвучия во всём многообразии окружающего мира.

Несмотря на занятость, нам всё же удавалось иногда пешком или на велосипедах выбраться на пару в лес, побродить по окрестностям Клязьмы, по лесам и болотам Лосинога Острова, в районе Щёлкова, съездить к Медвежьим озёрам.

В лесу «несподручно» много разговаривать — зачем тогда в лес идти?! Поговорить можно и дома. Однако молчаливое общение через «растворение» в окружающей природе — это тоже общение, только другого порядка, может быть — более личного (нет нужды, проявляя «вежливость», доказывать собеседнику, что ты о нём не «забыл» — у него в принципе не может возникнуть такого вопроса), и в то же время более фундаментального, что ли, свойства, когда для того чтобы быть понятным, необязательно произносить слова, достаточно совместного присутствия и сопереживания окружающего мира здесь и сейчас.

Иногда после таких словесных «пауз» у Юры словно прорывалось откуда-то изнутри: «Как же я люблю это всё!» Так бывало и в ясный солнечный день в Лосином, и в предгрозье, заставшее нас в путешествии на велосипедах возле полуразрушенной запруды на Клязьме, в районе Щёлкова... Я, честно говоря, тогда больше был обеспокоен судьбой фотоаппарата, которому, как старому радикулитчику, «сырость противопоказана», и приближающийся ливень (миновать его мы не могли — это было очевидно) не сулил ничего хорошего. А Юра, нимало не заботясь перспективой ожидавших нас «водных процедур», с нескрываемым интересом наблюдал за быстро меняющимися красками природы — оттенками прибрежной растительности, тёмной текучей речной воды, меняющимися наслоениями облаков. Он очень чутко реагировал на малейшие перемены такого рода. Несколько снимков, сделанных в той поездке, можно посмотреть на <http://finder1.gallery.ru/watch?a=nLa-Vdy>

Во время наших, как правило, импровизированных, походов я не раз замечал у него какое-то особое, благоговейное отношение к своим потенциальным «моделям»: деревьям, цветам, травам, абсолютное неприятие

любых проявлений вандализма, разгильдяйства, наносящего им урон. Подобное Юра воспринимал с сожалением и печалью, иногда бурно реагировал. Он никак не мог примириться, например, с практикой бездумного, так называемого «окультуривания» территории, когда в парках или в лесу под деревьями уничтожали лесную подстилку, служащую источником пищи и кровом для её многочисленных обитателей — выгребалась и сжигалась павшая листва, хвоя; когда в Комитетском лесу люди с мотокосилками по чьей-то недалёкой чиновничьей прихоти, следуя установившейся с недавних пор моде, «облагораживали» местность, выкашивая подростную траву, лесные и полевые цветы, а вместе с ними уничтожали и молодую поросль деревьев и кустарников, где в будущем могли бы найти убежище, пропитание и места для гнездования мелкие птицы — лесные санитары, сберегающие деревья от всевозможных вредителей. При этом сам лес всё больше наполнялся сухостоем, поражённые вредителями деревья теряли кору, сохли, роняя хвою. Зато рядом «красовались» участки «подстриженной травки». Эти, пронизывающие нашу жизнь во многих сферах, показуха и некомпетентность были ненавистны Юре, а собственное бессилие в преодолении административной тупости местных властей угнетало!

Как-то весной в один из выходных мы с Юрой и Леськой отправились на берег Клязьмы. Я, как обычно, искал сюжеты для снимков. Юра, не спеша, шёл по тропинке, иногда останавливаясь и обращая моё внимание на какие-то цветовые нюансы окружающего пейзажа. В одном месте, кивнув в сторону противоположного берега Клязьмы, он заметил: «Вот пусть жёлтого немного прибавится, надо будет сюда прийти поработать...». Я не сразу его понял. Потом выяснилось — речь шла о том, что приближалась пора цветения какого-то растения, которое, по мнению Юры, должно было добавить необходимую ноту, цветовой нюанс в заинтересовавший его пейзаж.

Леська то убегала по своим собачьим делам, то возвращалась, активно расходуя накопленный за время вынужденного сидения на дворовом участке запас энергии. Прошлись по течению Клязьмы до конца Загорянки, где река делает изгиб вправо и где расположен колодец (о воде из этого колодца Юра отзывался с восторгом, настаивая, что я обязательно должен её попробовать... вода действительно оказалась замечательной, хотя и очень холодной). Повернули обратно... Немного пройдя, увидели, как трое пацанов лет 16-ти в отдалении поджигают на берегу у самой воды сухую прошлогоднюю траву, устраивая так называемый «весенний пал» — источник многих бед. Несильный на первый взгляд ветерок способствовал удивительно скорому распространению огня, и не успели мы опомниться, как неширокая ещё полоса пламени двинулась прочь от

реки в сторону невысокого холма, на котором начинались деревянные заборы, а за ними — и дома жителей Загорянки. От нас до мальчишек было метров 100. Мы закричали, размахивая руками, требуя, чтобы гореподжигатели немедленно тушили огонь, и побежали к ним. Увидев нас, парни, судя по их «неуютным» позам, хотели рвануть, но, видимо решив, что от сопровождавшей нас Леськи удрать всё равно не удастся, сочли за лучшее остаться на месте (они ж не знали, что самая жестокая кара, которой могло подвергнуться их это милое существо, пользуясь выражением Лены, — «зализать до смерти»).

Подбежав, мы, не особо сдерживая себя, высказали всё, что о них думаем, Юра посулил им перспективу: «оборвать уши», если огонь немедленно не будет потушен. Но те уже и сами поняли, что натворили и, представив, что могут стать виновниками большого пожара, заметно струхнули. Было от чего.

Не тратя времени на дальнейшее отчитывание юных шалопаев, мы вместе с ними стали тушить пламя — где затаптывать, где сбивать ногами бегущие по верхушкам травы языки, или заливать водой, которую парни таскали из реки в подобранной тут же на берегу пластиковой бутылке, глеющие у самой земли участки стерни.

Минут через 15-20 общих «плясок на лугу» пламя удалось сбить, и парни продолжили заливать водой дымящую траву уже под нашим «пристальным контролем». Несколько успокоенные тем, что «хорошо всё, что хорошо кончается», мы расстались, не забыв предупредить: «Ещё раз! И — пеняйте на себя!..». Впрочем, пацаны были и сами не рады тому, что по разгильдяйству натворили, и, думаю, в следующий раз воздержатся от подобных «экспериментов»...

* * *

...К сожалению, даже из людей, часто бывавших у Александровых, не все были в курсе серьёзного поэтического дарования Юры. Это совершенно неожиданно для меня выяснилось при беседах уже после его ухода.

Между тем, об этой составляющей его таланта необходимо сказать особо.

Юриной поэзии свойственна неторопливая сосредоточенность, задумчивое созерцание природы, внимательное наблюдение за сменами её состояний.

Его стихи отличает тонкая детализация, невозможная без подлинного знания предмета, проникновение в природу стихий, спокойное приятие происходящих превращений. Александровская пейзажная лирика лишена как преклонения перед предметом описания, так и высокомерия

пресловутого «царя природы». В значительной своей части это именно пейзажи — мудрое общение с равным (!), приятие суровой данности, переживаемое иногда впечатлениями о нечастых даруемых ею радостях, приятных минутах, созвучиях с ней в мыслях, настроениях. Думается, потому и чувствовал Юра себя «своим» и на крутом склоне, и на лесной тропе, и на реке, и под дождём, что ни в мыслях, ни в делах не насиловал природу, внимательно следуя её «канонам».

Его поэтические произведения живописны. Автор замечал и прослеживал тесную связь между состояниями погоды, сезонными изменениями и метаморфозами развития и завершения человеческого жизненного пути — «без сожаленья», «как спадает в осень листва»...

Если бы потребовалось охарактеризовать его поэзию в нескольких словах, наверное, лучше всего подошло бы словосочетание «задумчивая созерцательность». Юрино восприятие, неизмеримо далёкое от капризно-притязательного любования праздного горожанина, вырвавшегося на свободу, ищущего и замечающего лишь некий «стандартный набор» из заученных красот: голубого неба, зелёных листьев, белого снега — всё это, безусловно, прекрасно! Но это не более чем «штампы». Юре этого было мало. Повторюсь, он не выходил в лес или к реке как на «экскурсию», как на «воскресную прогулку». Всё это — и деревья, и речка, и травы на лугу, и облака, и вороны, которые, по Юриному определению, эти облака «месят», и естественное освещение, особенно выразительное в ранние утренние и вечерние часы, — всё это было частью его самого: его мастерской, его творческого процесса, предметом его описания и неиссякаемым источником вдохновения. Не случайно его излюбленным жанром был пейзаж, вне зависимости от формы «материального» воплощения творческого замысла — будь то живопись, графика или стихосложение...

Порой создавалось впечатление, что необходимость возвращения из этой «мастерской» в «цивилизацию» была в большей степени именно необходимостью, чем потребностью, и иногда тяготила его.

Вместе с тем, читая Александровскую «пейзажную» лирику, невольно «вздрагиваешь» от встречи со словно «случайно затесавшимися» между раздольных образов живой природы его нечастыми, но острыми гражданскими стихами, посвящёнными «фальшивым» ли выборам или всамделишным «вехам» конца минувшего — начала нового тысячелетия, перечисленным им со скрупулёзной точностью в стихотворении «Двухтысячный год». Этими «исключениями» он словно подтверждал не устаревающее: «Поэт в России больше чем поэт!», поскольку был чужд лицемерию, приспособленчеству и поступал совершенно естественным для себя образом: говорил, когда не мог молчать. В искусстве иначе и не бывает:

либо ты творишь, либо множишь эрзац, потакая вездесущим «вкусам», «взглядам», «спросу», «моде» в угоду публике ли, властям ли — не имеет принципиального значения. Он предпочитал первое: творил! И с той же непосредственностью, как живописал, например, «вуаль клокастой паутины...» в заброшенной избе в стихотворении с одноимённым названием, он, не видя причин скрывать очевидное для себя, писал о ликующей «паутине» единодушных выборов и «послевкусии» от их результата из-за того, что «в стране идёт всё задом наперёд»...

В июле-августе 1986 года Юрой был написан Венок сонетов «Север» — произведение многоплановое, в котором за описанием пейзажей дикой первозданной природы сурового северного края скрывается глубокий философский смысл, искреннее уважение автора к первопроходцам, к тем, кому суждено было стать заложниками и хранителями сокровенных тайн Русского Севера.

Венок сонетов — твёрдая, имеющая строгие законы построения форма поэтического произведения, которая считается одной из труднейших, поскольку изначально должна соответствовать целому ряду принципов, обязательных условий, без соблюдения которых не будет собой. Не случайно другой российский поэт — Владимир Солоухин — писал когда-то: «Венок сонетов — давняя мечта, вершина формы строгой и чеканной...». Точнее, пожалуй, и не скажешь — именно ВЕРШИНА.

Юра покори́л и эту вершину...

* * *

Поскольку судить о творчестве художника и поэта возможно, лишь лично ознакомившись с ним, привожу адреса страничек с фотографиями живописных работ Художника: <http://finder1.gallery.ru/watch?a=nLa-STx> и с литературными произведениями Юрия Александрова, соответственно,

проза: <http://www.proza.ru/avtor/cikoriy>

поэзия: <http://www.stihi.ru/avtor/cikoriy>

ОТАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2010

сборник статей

ВЫП. 3

Редактор Виниченко Ю.Б.

Корректор Токарева О.Е.

Компьютерная вёрстка Медведева И.В.

ISBN 978-5-86443-177-1

9 785864 431771

ОТАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

2010

Формат 60×84/16. Подписано в печать 8.06.2012. Печ.л.13,5.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 250 экз. Заказ № 266

ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru
<http://www.grif-tula.ru>

